

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

К. Д. МУРАТОВА

М. ГОРЬКИЙ
В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

К. Д. МУРАТОВА

М. ГОРЬКИЙ
В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД

1 9 5 8

Константину Александровичу
Редину

С благодарностью за книгу
"Горький среди нас"
от автора

21 IV 58

Реплика Вс. Иванову

ФАКТЫ И ИЛЛЮЗИИ

За последнее время в журналах все чаще стали появляться мемуарные материалы видных писателей и журналистов. В литературных записках, воспоминаниях и дневниках опытные литераторы оглядываются на пройденный путь, вспоминая о литературных явлениях недалекого прошлого, об интересных, порой позабытых или малоизвестных современниках. Эти записи и воспоминания оживляют, а нередко восполняют и уточняют наши представления об историко-литературном процессе, помогают воскресить страницы истории.

Среди произведений такого рода выделяется «История моих книг» Вс. Иванова (альманах «Наш современник», № 3 за 1957 г. и № 1 за 1958 г.). Это очень своеобразные, интересные мемуары. Вс. Иванов в плане автобиографическом и историко-литературном выводит историю своих книг из самой жизни, давая читателю ощущить напряженную атмосферу годов революции и гражданской войны Сибири, узнать немало нового о литературной жизни страны на отрезке нескольких десятилетий. Воспоминания написаны хорошим литературным языком и читаются с увлечением.

Но оставим в стороне сколько-нибудь подробный разбор этих в

общем хороших и ярких воспоминаний. Коснемся лишь некоторых «частностей», которые, однако, имеют принципиальное значение.

В некоторых журнальных статьях последнего времени проскользывает тенденция либерально-примиренческого и даже объективистского отношения к формалистическим литературным группировкам 20-х годов. Этой тенденции, к сожалению, не избежал в своих мемуарах и Вс. Иванов.

Вспоминая о своем участии в литературной группировке «Серапионовы братья», автор, вольно или невольно, стремится «смягчить ее идеологическую порочность. В первой части мемуаров сквозит стремление представить «Серапионовых братьев» как братство писателей, «любивших в литературе фантазию и остроту формы». В таком добродушном духе объясняется и название группировки:

«Писатели назвали себя так в честь романа знаменитого немецкого писателя Э. Гофмана. В романе этом несколько молодых людей, собравшихся у пустынника Серапиона, рассказывают друг другу различные — правдивые и фантастические — истории. Ну, что же! Дом искусств был достаточно пустынен, и в нем имелось два-три волосатых пустынника: историй и

тоже знал немало... Я стал «серапионом»...

Вс. Иванов не хочет вдаваться в идейную сущность этой замкнутой в области чистой формы, аполитичной группировки. Но ему кажется странным, и он переживает «горесть» оттого, что «в критике стало мелькать мнение, что «Серапионовы братья» — представители новой буржуазной литературы».

Однако сам же автор не чувствует себя спокойно от таких объяснений и во второй части воспоминаний пытается, хотя и очень робко, дать правильную оценку политически вредной программе «Серапионовых братьев», написанной Л. Лунцем.

...«Объективно, — говорит Вс. Иванов, — в «программе», написанной Лунцем, можно было усмотреть положения сомнительные и даже вредные для развивающейся молодой нашей литературы».

Это уже как будто намек на истину. Но автору не хватает смелости и прямоты до конца провести правильную мысль. Мешает жалость.

«Жалость» помешала «Серапионовым братьям» отвергнуть аполитичную программу Лунца — «не хотелось обижать Лунца, ему ведь шел всего лишь двадцатый год!»

Следы этой жалости сохранились у автора хороших воспоминаний «История моих книг» и поньне. С грустью и сожалением пишет он о том, что «это (стремление опровергнуть Лунца.—Лит.) было

бы, как теперь вижу, полезно и нам, и Лунцу», но при этом с той же грустью добавляет: «Невысказанная вовремя правда теряет вследствие все очертания правды».

Нет,уважаемый Всеволод Вячеславович, с годами не исчезла, а только прояснилась правда о безыдейной, аполитичной сущности литературной группировки «Серапионовы братья». Жизнь, историко-литературный процесс доказали это.

Да Вы и сами на I Всесоюзном съезде советских писателей гораздо яснее и четче представляли себе «все очертания правды».

Вот что говорили Вы тогда с высокой трибуны: «Я прошу вас вспомнить декларацию «Серапионовых братьев», к группе которых я принадлежал, декларацию, которая говорила, что «мы против всякой тенденциозности в литературе»... На нас оказывала влияние российская буржуазная литература, ее призрачное новаторство, формализм...

Беспартийность этого особого, высокого искусства, казалось нам, приближает нас к жизни, а партийность отрывает нас на ту работу, которую мы только что бросили, чтобы увидеть «высокий» мир искусства».

Не есть ли это те очертания правды, те факты, которые незыблемо остаются, когда исчезает призрачный туман иллюзий? Безусловно, да.

Никто не отрицает того, что группировка «Серапионовы бра-

тья» была неоднородной и что в ней велись жаркие споры по вопросам художественной формы, в которых такие писатели, как К. Федин, Н. Тихонов, Вс. Иванов, не раз занимали правильные позиции.

Но никто не отрицал и не станет отрицать, что по своей программной сущности это «братьство» пустынников далеко отстояло от магистральной дороги советской литературы.

И несмотря на то, что это уже далекий, «пройденный этап», порочная идеологическая сущность программы «Серапионовых братьев» не подлежит переоценке.

Мы, разумеется, знаем, что из этой группировки вышли большие и уважаемые писатели, такие, как К. Федин, Н. Тихонов, Вс. Иванов и другие, идущие сегодня в головном отряде большой советской литературы. Но вышли они в этот отряд не благодаря, а вопреки своей принадлежности к «Серапионовым братьям».

С высоты сегодняшнего дня нашей литературы особенно ярко видны очертания подлинной, коммунистической правды об историко-литературном процессе, в котором никогда не пошли чуждые, тормозившие его развитие группировки, вроде «ОПОЯЗа», «Серапионовых братьев» и т. п.

Так исчезают субъективные сожаления, призрачные иллюзии. Остаются факты, торжествует подлинная история литературы.

ЛИТЕРАТУРОВЕД

«Литература и жизнь»
18 мая, 1958

Читай,
литературой,
и не окажешь!

тации не только среди русских, но и зарубежных читателей. Заменить Горького в данном случае не могли ни А. Серафимович, ни Д. Бедный, ни В. Маяковский, известность которых в те годы еще не перешагнула национальных границ.

Статья Горького получила широкое распространение за границей, она была использована и в большевистской пропаганде среди войск интервентов.

Капиталисты, пославшие свои армии в революционную Россию, недоучли силы этого оружия. Солдаты и матросы, узнав правду о революционных завоеваниях русского народа, отка-зались сражаться против него. В статье «Современное положение во Франции» Д. Мануильский писал в 1919 году, что во французской печати начали появляться сведения о причинах военного поражения Франции. К их числу была отнесена не только отличная боеспособность русской армии, но и то, что она «располагает могущественнейшим аппаратом агитации, которая оказывает решительное действие на сталкивающихся с ней иностранных солдат».¹⁰

Горький внес свою долю в это сражение за пролетарский интернационализм. Его обращение (*«Appel de M. Gorki au peuple de Russie»*), раскрывающее, чем вызвана ненависть капиталистов к Советам, была тотчас же (4 декабря 1918 года) опубликована в № 6 газеты *«III-me Internationale. Organe de la section française du parti communiste (bolchevic) russe»*. Эта небольшая газета в основном предназначалась для распространения среди оккупационных войск на юге России. О действенности горьковского слова свидетельствует статья *«Горький! Либкнехт!»* — отклик на призыв писателя, — опубликованная 20 декабря в № 8 этой газеты.

«Нет ни одного пролетария во Франции, у которого бы оба эти имени не вызывали бы чувства уважения и глубокого восхищения», — писал автор статьи J. Laurens. Он напоминал о том, что имя Горького всегда служило для французских пролетариев олицетворением русской революционности, символом борющегося русского народа, что могущественный голос писателя вынуждал мир выступать против злодейний царизма. Имя Горького вызывало представление о страдании и мужестве, большом горе и надежде. «Война заглушила своим шумом голос, произносивший справедливые слова,— заявлял Laurens,— мы не могли его слышать». Теперь голос великого писателя вновь зазвучал, призывая всех честных людей выступить против англо-французского и американского капитализма. «Мы поддерживаем Россию Горького против грабительской политики

¹⁰ «Коммунистический интернационал», 1919, № 2, столб. 205.

дительность примеров, приводимых им в доказательство нечеткой работы литераторов, не оспаривались. Но тем не менее писатели, подвергшиеся суровой горьковской критике, не были разубеждены в том, что язык носит классовый характер и что перед ними в области лексики стоят свои особые задачи, резко отличные от задач литераторов XIX столетия. Не отрицая ценности горьковских выступлений в целом, они все же пытались оправдать свою художественную практику. В статье «Моя работа над „Энергией“» Ф. Гладков писал:

«Меня часто упрекали, что в „Цементе“ и в „Энергии“ язык тяжелый. Может быть, это так, но нельзя забывать, что те серьезные задачи, которые положены в основу больших моих произведений, и то содержание, которое в них вложено, не могли не отразиться и на языке.

«Наша языковая культура растет, усложняется, несмотря на постоянное стремление к предельной простоте. Язык классической литературы — это язык прошлых эпох. Язык наших дней иной, и он не может отказать себе в дерзости занять свое место в искусстве». ⁴³

Оправданию собственной языковой практики была посвящена также речь Ф. Панферова на съезде писателей, опубликованная под заглавием «О мудрой простоте» в журнале «Октябрь» (№ 9). Выступление это подверглось суровой критике Горького в третьей статье «Литературных забав». ⁴⁴

«Панферов, — писал Горький, — все еще продолжает спорить против людей, „рабски преданных классическому прошлому“ и якобы утверждающих, что „нам нужно учиться только у классиков“» (XXVII, 270). Подобные статьи сводили, по утверждению Горького, большой разговор о языке к газетной «болтовне» о нем.

Горьковские оценки творчества и речей Панферова вызвали не только личные письма писателя к Горькому, но и выступления в печати. В «Открытом письме А. М. Горькому» ⁴⁵ Панферов указывал, что целый ряд слов, подвергшихся критике, он уже исключил из текста своего романа и что Горький несправедливо увеличивает число языковых погрешностей «Брусков», включая в них слова из речей персонажей. «Ведь иногда, — писал Панферов, — писатель для характеристики своего героя вынужден прибегать и к местному наречию. Никто не осмеивал, например, Л. Толстого, когда он употреблял в разговорной речи „двествительно“ вместо „действительно“. Критикуя

⁴³ Ф. Гладков. Моя работа над «Энергией». Профиздат, М., 1934, стр. 43.

⁴⁴ «Правда», 1935, № 23, 24 января.

⁴⁵ Там же, № 27, 28 января.